

Понятие городской среды – одно из самых обсуждаемых и в то же время самых многозначных понятий в современной урбанистике. Большинство моделей городской среды рассматривают ее как статичный объект, в котором любые кардинальные изменения носят нежелательный и даже катастрофичный характер. В статье показано, что подобное отношение к динамике городской среды глубоко укоренено в методологических основах философии Платона и Аристотеля. Предложено использовать для исследования динамической городской среды методологическую базу метамодернизма. Рассмотрены практические кейсы успешных архитектурных проектов, использующих данный подход.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; городская среда; динамика; метамодернизм; культурное наследие. /

The concept of urban environment is one of the most discussed and, at the same time, the most ambiguous concepts in modern urban studies. Most models of the urban environment consider it as a static object in which any cardinal changes are undesirable and even catastrophic. The article shows that this attitude to the dynamics of the urban environment is deeply rooted in the methodological foundations of the philosophy of Plato and Aristotle. It is proposed to use the methodological base of metamodernism for the study of the dynamic urban environment. Practical cases of successful architectural projects using this approach are considered.

Keywords: architecture; urbanism; urban environment; dynamics; metamodernism; cultural heritage.

Городская среда – носитель, хранитель и угроза для локальной культуры / The urban environment as a carrier, a guardian, and a threat to the local culture

текст

Алексей Буйнов

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Константин Лидин
Республиканский институт высшей школы (Минск, Беларусь)
text

Alexey Buinov

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Konstantin Lidin

National Institute for Higher Education (Minsk, Belarus)

Понятие городской среды и основанный на нем «средовой подход» в теории и практике урбанизма остаются одной из самых частых тем в соответствующих публикациях. Количество исследований настолько выросло, что библиометрический анализ уже не пытается охватить весь массив выходящих публикаций, а производится по более узким темам и аспектам. Анализируются работы, посвященные влиянию городской среды на здоровье горожан [1], связи параметров городской среды с экологией [2] и социологией города [3], с восприятием среды горожанами [4]; статьи, обсуждающие отдельные технологии и методы исследования городской среды [5] и т. д. Попытки дать универсальное определение понятию городской среды происходят постоянно на протяжении многих лет [6], но все еще не дают удовлетворительного результата.

В рамках данной статьи мы хотели бы сосредоточиться на одном, на наш взгляд, важнейшем качестве городской среды, которое редко попадает в поле зрения исследователей – при всем разнообразии трактовок и подходов. Мы имеем в виду динамичность городской среды, ее текучесть и изменчивость. При любом понимании самой городской среды текучесть остается свойством, имманентным любому ее параметру или аспекту.

Наиболее компактно эту мысль выразил А. Э. Гутнов [7], разделив городскую среду на «каркас» и динамическую часть. Однако и «каркас», который может показаться неподвижным, если оставаться во временном масштабе повседневной жизни, на самом деле тоже движется, меняется – только гораздо медленнее. А. Э. Гутнов назвал эти процессы «эволюционными». Для иллюстрации этого тезиса можно привести метафору реки, в которой непрерывно течет вода, а русло выглядит постоянным, но в ином масштабе времени становится заметно, что и русло движется, меняется ширина и полноводность реки и т. д.

Надо заметить, что теория А. Э. Гутнова возникла не на пустом месте. Ее основанием послужили эксперименты по использованию в архитектуре идей тектологии – науки об общих принципах управления. Теоретическую и методологическую базу тектологии заложил, как известно, А. А. Богданов, а ее применение в архитек-

туре и градостроительстве связано с именем А. В. Розенберга [8]. В 1923 году, в период мощного подъема теории и практики конструктивизма, вышла небольшая книга этого автора «Философия архитектуры. Общие основания теории проектирования архитектурных сооружений». В 1930 году, уже после поворота к сталинскому ампиру, расширенный вариант этой книги был опубликован под менее амбициозным заголовком «Общая теория проектирования архитектурных сооружений». В трудах А. В. Розенберга не только архитектурные явления, творение, но и каждый архитектурный объект, и ансамбль, и город в целом рассматриваются как динамичные системы, как процессы.

К сожалению, в последующие десятилетия XX века модели динамичной городской среды не получили должного развития. В большинстве разработок изменения в среде города выглядят как необязательные, а зачастую – нежелательные и даже катастрофичные явления, требующие специальных мер противодействия. Оптимальная городская среда – это среда неизменная, в которой параметры основных потоков (экономических, экологических, демографических и т. д.) сохраняются неизменными, а под словом «развитие» понимается в лучшем случае не принципиальный количественный рост этих показателей. Немногочисленные работы, претендующие на динамичный подход к городской среде (например, книга Жилия Делёза «Следуя за потоком»), не вызывают широкого резонанса ни в академической, ни в профессиональной среде архитекторов [9].

В большей мере это обусловлено преобладанием статичного подхода в традиции Платона и Аристотеля, характерного для модернизма, доминировавшего в архитектуре и урбанистике на протяжении почти всего XX века [10].

Динамичные модели городской среды, на наш взгляд, могут успешно развиваться с опорой на философию метамодернизма, которая основана на образе непрерывно меняющейся, но не хаотичной реальности. Продолжая аналогию с рекой, можно сказать, что при всей текучести данная конкретная река остается собой. Она может поменять параметры течения, русло, название, но сохраняется что-то, позволяющее считать этот природный объект все

той же рекой. Такой элемент, сохраняющийся при изменениях и составляющий сущность (идентичность) динамического объекта, в философии познания называется инвариантом [11].

Выделение инварианта динамичной городской среды крайне важно, в первую очередь – для сохранения идентичности города, его историко-культурного смысла, его индивидуальности. Если этого не делать, поток изменений может легко смыть именно то, что делает город узнаваемым и уникальным, а утрата идентичности, в свою очередь, грозит развитием депрессивных тенденций.

Инварианты сибирских городов

Анализ градостроительства и архитектурной практики создания сибирских городов России позволяет с некоторой долей уверенности утверждать, что в последовательном и непрерывном процессе развития городской среды существуют вневременные закономерности, не связанные с определенными архитектурными стилистическими направлениями. Именно в этих закономерностях, которые могут быть приняты в качестве базовых единиц или, если хотите, принципов, – содержится основная часть системных признаков образа городской среды. Эти критерии – место, масштабность, структура и материал.

При всех изменениях общественного устройства и морали, строительной техники и механизмов, архитектурных форм и стилистических направлений эти категории, оставаясь практически неизменными, неуклонно гармонизировали внутренние связи и продолжают это делать внутри системного (а зачастую и внесистемного) образования, именуемого городской средой. Очевидно, что для организации гармоничного сосуществования старого и нового в едином пространстве эти факторы имеют превалирующее значение.

Эти критерии можно применять как к городу или его фрагментам и участкам, включая кварталы, так и к отдельным зданиям и сооружениям. Разумеется, существование таких неизменных категорий не является «панацеей от всех бед». Но то, что создаваемая на их основе база будет способствовать процессу гуманизации среды, – это очевидно, что подтверждается использованием этих принципов в реальном архитектурном проектировании. Рассмотрим эти понятия.

Место в архитектуре и градостроительстве имеет двойную природу. С одной стороны, понятие места включает объективные характеристики, присущие данному участку земной поверхности: ландшафт, типичная флора и фауна, особенности геологического строения, климат и т. д. Отдельно хотелось бы подчеркнуть параметр, который редко попадает в поле зрения архитекторов, а именно небо. Цветовая динамика неба зачастую обладает значительными особенностями. Так, в городах, расположенных на высоте 500 м над уровнем моря и более (например, Иркутск), небо может иметь гораздо более интенсивный оттенок голубого, а цветовые эффекты закатов и восходов бывают гораздо более яркими и драматичными, чем у равнинных городов.

Вторая сторона понятия места связана с субъективными факторами – историей, мифологией, локальной культурой и глобальной репутацией данного места.

Масштабность – это ритмическое соотношение частей и целого в градостроительной и архитектурной композиции, фиксация которого позволяет гармонично включать в существующую ситуацию, как в систему, новые здания и сооружения, с пониманием их высоты, объема и членений, с определенными допусками.

С другой стороны, масштабность – важнейшая качественная характеристика архитектурной и городской среды, одна из главных категорий архитектурной композиции. Масштабным называется то городское пространство,

находясь в котором человек воспринимает и ощущает его, оценивая как соразмерное себе.

Структура – взаимное расположение частей внутри целого. Важно обратить внимание на то, что, в отличие от бытового понимания структуры, философский взгляд сосредоточен не на элементах, входящих в структуру и образующих ее. Философское понимание структуры включает в первую очередь рисунок связей, систему отношений между элементами. Следствием из такого понимания является то, что структура может сохраняться при замене входящих в нее элементов. Так, чертеж, карта или схема состоят из нарисованных значков, но узор связей между ними совпадает с рисунком связей между элементами объекта, изображенного на схеме, т. е. схема адекватно передает структуру исходного объекта.

Структура, являясь, в сущности, основной характеристикой градостроительной системы или архитектурного сооружения, определяет их суть и характер. Она, как ничто другое, диктует преемственность решений, что совсем не обозначает слепого повтора или имитации старых форм. Так, Москва упорно сохраняет свою концентрическую структуру, несмотря на ее анахроничность. И по той же причине столь сомнительно выглядит практика реставрации исторических зданий, когда сохраняется только фасад, а внутренняя структура здания полностью перестраивается.

Материал, а точнее, набор материалов, типичный для данного объекта (строения, квартала, города, агломерации). Инвариант в аспекте материалов определяется в первую очередь набором традиционных строительных технологий, привязанных к особенностям места. Традиционные материалы, в свою очередь, определяют и традиционный, узнаваемый облик городской среды – ее цветовую палитру, включая особенности взаимодействия поверхностей со светом в разное время суток и года, характерную форму и пропорции зданий и т. д. Так, облик армянского Ани в значительной степени определяется особенностями местного строительного камня, а облик многих наиболее типичных кварталов сибирских городов связан с традициями деревянного домостроения.

Правильный выбор материалов воздействует на городскую и архитектурную среду, ее структуру и масштабность не только своим цветом и характером фактуры, но и качеством. Заметим отдельно, что геометрические параметры зданий и планировки должны быть связаны с характером материалов. Попытки имитации традиционной среды в новых материалах (например, воспроизводство «традиционного стиля» в технологии сборного железобетона) вызывают острое чувство дискомфорта даже у неискушенного горожанина.

Пример 1: церковь у дороги. Один из примеров удачного прочтения и организации фрагмента городской среды – воссоздание Николо-Иннокентьевской церкви в Свердловском районе Иркутска. Возведенный всего за год в конце 1850-х годов и через сорок лет ставший постройкой, в обязательном порядке входившей в каждый вокзальный комплекс, храм увенчал собой одну из самых высоких точек природного ландшафта, окружавшего территорию железнодорожного узла. Градостроительно точка местоположения объекта была определена безукоризненно.

Для возведения культового здания был выбран не самый дорогой каменно-деревянный вариант образцового проекта, который, правда, очень быстро был заменен на каменный. Первоначальный облик храма показан на рис. 1. В советское время храм обезглавили, лишили колокольни и, частично перестроив, превратили в кинотеатр. В начале 1970-х здание признали аварийным и забросили. В течение следующих 27 лет храм последовательно разрушался. Сделанный в конце восьмидесятых



^ Рис. 1. Николо-Иннокентьевская церковь в Иркутске. Фото начала XX века



^ Рис. 2. Николо-Иннокентьевская церковь. Проект воссоздания. Перспектива. Авторский коллектив: А. Буйнов (главный архитектор), М. Гурьева, Н. Носова, И. Смирнов (архитекторы), В. Жук (главный конструктор). Строительство: 2001–2003

проект реставрации по ряду понятных причин реализован не был и к началу двухтысячных актуальность свою во многом утратил, а именно в 2003 году было принято решение о воссоздании храма. Вот тогда-то перед авторами проекта и встал вопрос: а что же, собственно, воссоздавать? Техническое и противогрибковое обследование доказало невозможность даже частичного использования не только останков стен, но и фундаментов существовавшей постройки. Здание очевидно становилось новоделом, и в связи с этим аппетиты эксплуатирующей организации, более не сдерживаемые реставрационными ограничениями, стали заметно расти. А органы охраны памятников истории и культуры отделились тогда многозначительной фразой о том, что «коблик храма и его планировочное решение должны быть сохранены...».

Исходя из невозможности увеличения в плане, новый храм увеличивался в высоту и становился двухэтажным. Несмотря на то что нижний этаж был существенно «спрятан» в землю, здание заметно подросло. Кроме этого, были настоятельные пожелания сделать барабан главки над храмом световым, что существенно увеличило габариты и его, и купола, и, как следствие, креста, этот купол завершающего. В результате изменились пропорции колокольни, что напрямую было связано с необходимостью пропорционального увеличения ее вертикальных размеров, и это, в свою очередь, привело к изменению формы шатра, завершающего эту колокольню. Нулевая отметка церкви существенно поднималась над землей – и крыльца главных входов автоматически превращались в весьма значимые градостроительные элементы, которых до этого, естественно, не было... А еще весьма подросший храм не должен был «задавить» своей массой сохранившийся подлинный деревянный дом священника... И многое, многое другое (проект восстановленного здания – см. рис. 2).

Авторы проекта попытались проанализировать ситуацию во всех ее аспектах и просчитать результат с учетом всех пожеланий и требований, чтобы он сохранил все то положительное, что было достигнуто коллегами-предшественниками. И авторскому коллективу это удалось. Один из основных факторов – гениально выбранное место. Второе – рельеф со времени постройки храма

сохранился в практически неизменном виде, а новые постройки частично перекрывали видовые точки на здание только со стороны привокзальной площади. Объем зданий вокзального комплекса значительно увеличился, что позволило практически незаметно увеличить вертикальный размер возводимого объекта с тактичным сохранением его пропорций. Третье – наличие подробнейшей и всесторонней информации, графической и библиографической, не только об объекте воссоздания, но и о среде, его окружавшей, равно как и об изменениях этой среды в разные периоды ее развития. Стилистика провинциального классицизма, в которой был создан оригинал, гораздо более свободна в трактовках, чем собственно классицизм, но основные принципы ее сохранить было нужно, точно так же как и цветовое решение, этой стилистике присущее, и аутентичные местные строительные и отделочные материалы. Параллельно этому рассматривались вопросы благоустройства, малых архитектурных форм, элементов озеленения и видов зеленых насаждений, свойственных тому времени и многое другое.

Словосочетание «средовой подход» при этом звучало в аналитических рассуждениях неоднократно, но, поскольку тогда оно напрямую было связано с попытками скопировать городскую среду образца конца XIX – начала XX века, логике проектирования новодела оно явно противоречило и, соответственно, популярностью не пользовалось.

В результате возникла идея свести все эти мысли, идеи, нюансы и даже отдельные элементы во что-то живое, неординарное, полезное и функционально наполненное, являющееся логичной, современной трактовкой того, что можно было увидеть на старых открытках.

Авторы проекта попытались создать фрагмент насыщенной современной городской среды, который в процессе своего развития смог сохранить лучшее старое, органично соединив его с необходимым новым. И сделать это нужно было максимально тактично, в соответствии с современными нуждами, без лишних и зачастую банальных реверансов в адрес давно ушедшего прошлого.

Существовало несколько принципиальных так называемых видовых или ключевых точек зрения на объект – то-



чек восприятия, сохранить и восстановить которые было принципиально важно, так как именно они во многом формировали те самые образы объекта. Их было три, и две из них удалось отработать в полной мере. Это – раскрытие храма на улицу Профсоюзную и вид церкви с противоположного берега Ангары. Во втором случае храм принимает активное участие в формировании силуэта застройки левого берега реки: абрис его буквально парит над вокзальным комплексом, что, видимо, задумано было ещё нашими предками в середине XIX века. Восстановленное здание показано на рис. 3. А вот раскрыть культовое сооружение на вокзальную площадь так и не удалось, хотя для этого сохранились блестящие ландшафтные условия. Логика и жадность собственников победили логику градостроительную.

В целом расширение проектной задачи – от воссоздания локального культового сооружения к осознанному комплексному подходу формирования фрагмента городской среды со зданием-доминантой, даже выполненное примерно на 75%, оказалось оправданным. Городу был возвращен не просто культовый объект, а смысловой фрагмент его ткани, что и было отмечено в 2004 году Премией губернатора Иркутской области.

Храм (вернее его новая трактовка) органично «врос» в спроектированную для него среду, и интересно то, что самое большое стилистическое противоречие между подлинным бревенчатым домом священника и стоящим практически вплотную к нему храмом в стилистике провинциального классицизма со времени превратилось в некую архитектурную достопримечательность, свойственную городу с середины XIX века и потому сохраненную.

Пример 2: круглая площадь внутри квартала. Территория исторического центра Иркутска, несмотря на сложности и обременения различного характера, всегда вызывала большой интерес для застройщиков, представлявших как власть и бизнес, так и различные общественные и учебные заведения. В связи с этим изменения в этой части города происходят постоянно. По большей части этот процесс имеет характер скорее несистемный, если не сказать – хаотичский. Сложности

добавляет большое количество различных ограничений, включая требования Проекта зон охраны.

Лишь изредка и на короткий срок архитектурные и градостроительные изменения городской среды носили вполне системный характер. Побудительными причинами для подобного рода новаций служили события трагического характера, такие как Большой иркутский пожар 22 и 24 июня 1879 года. Следствием его, кроме негативных результатов, стали откорректированный градостроительный каркас центра города и запрет на строительство деревянных зданий и сооружений вдоль главной улицы города – Большой.

Центр города в этот момент получил отчетливо выраженную квартальную систему – сетку улиц с несколькими общественными пространствами преимущественно торгового и культового характера. Еще одним естественным следствием данного решения стала утрата общественной функции внутренних пространств подавляющего количества кварталов. Таким образом, около 60% земельных площадей центра города превратилось в замкнутые территории, используемые в утилитарных и вспомогательных целях. И до сих пор подобным образом «эксплуатируемые» участки различных габаритов и размеров можно легко обнаружить сразу за первой линией домов и зданий, выходящих своими фасадами на красные линии главной улицы города.

Свою часть территорий в центральной части Иркутска получили и пять крупнейших вузов города – государственный университет, медицинский, сельскохозяйственный, педагогический институты и институт народного хозяйства (нархоз). И вот, в начале 2000-х, у руководства последнего из перечисленных заведений, занимавшего последнюю часть квартала, с трех сторон ограниченного главными улицами города, появилось желание как-то ее использовать.

Справедливости ради нужно сказать, что эта попытка не была первой: в 1970-е годы за первой линией застройки квартала был выстроен из сборного железобетона новый многоэтажный корпус нархоза. Но своей задачи – объединения всех зданий института в единый комплекс – он по ряду причин не выполнил и всех вопросов с необходимыми потребными площадями не решил. И тогда руководство института народного хозяйства (к тому моменту неоднократно переименованного), прежде всего в лице его ректора М. А. Винокурова, решилось на новую внутриквартальную строительную экспансию, которая должна была выразиться в последовательном строительстве нескольких новых блоков университета и реконструкции старых.

Грамотно и профессионально выполняя свою работу, руководство нархоза, возможно, и не подозревало, что стоит в авангарде нового качественного этапа развития городской среды – этапа, которому свойственно насыщение внутриквартальных пространств новыми функциями и транзитными потоками, создание новых локальных площадей и точек притяжения. Непременной составляющей этих пространств должны были стать не только озеленение и благоустройство качественно нового уровня, но и формирование некой уникальной ауры, присущей только этому месту.

Основой выбора проекта послужил конкурс, результаты которого рассматривались дважды. И вот, во второй раз, победила концепция пространственного развития квартала с организацией внутренней улицы, рассекающей квартал от улицы Карла Маркса до улицы Горького, которая становилась главной планировочной осью этого пространства. Круглая площадь, которая была «надета» на эту ось, свободно растекалась в пространстве на уровне земли и первого этажа, а выше обрамлялась стеклян-

< Рис. 3. Воссозданное здание Николо-Иннокентьевской церкви



^ Рис. 4. Фрагмент генплана комплекса Иркутской государственной экономической академии (сейчас Байкальский государственный университет). Авторский коллектив: А. Буйнов, Е. Григорьева, С. Муллаяров, А. Этингов (конструктор). Строительство: 2001–2003



^ Рис. 5. План этажа аудиторного блока Байкальского государственного университета на отметке $\pm 0,0$ (1-й этаж)

ной стеной аудиторного блока. Общий план проекта показан на рис. 4.

По словам одного из иркутских архитектурных критиков, «...здание получилось экстравагантно-эlegantным, имеющим яркий художественный образ, основанный на пространственной трансформации круглого плана амфитеатра, реагирующего на сложившуюся разновременную архитектурную среду, в которую он вписывается [12]. <...> В отделке здания были использованы <...> ультрасовременные материалы, позволившие реализовать концептуальные идеи авторов: здание стало объединительным элементом градостроительного образования, не довлея над окружением и не нарушая облик пересечения главных исторических улиц, где оно расположено, при этом вбирая своей формой и зеркальным экраном стилистику архитектуры прошлых лет, происходящие вокруг жизненные процессы и отражая нужное». Сочетание современных элементов с проницаемой средой показано на рис. 5.

Кроме того, в рамках решения сложной пространственно-функциональной задачи объединения разрозненных корпусов университета в единый организм появилось то самое ядро, которое взяло на себя незаурядную роль центра композиции и стало основой последующего развития объемно-планировочной системы вуза. Оно стало некой смысловой доминантой всей композиции, в хорошем смысле провоцирующей дальнейшее развитие среды, что и произошло буквально через несколько лет.

В этом проекте тема внутриквартальной улицы появилась не на пустом месте. В виде некоего неорганизованного сквозного транзита она существовала с незапамятных времен, и на нее была ориентирована часть построек, в разное время здесь возникших. Такая проницаемая среда, в которой кривые и узкие «капилляры» связывают крупные улицы внутри кварталов, типична для традиционной застройки сибирских городов. Но именно в результате переосмысления в рамках данной разработки эта «натоптанная тропа» превратилась даже не в улицу, а в осевое микропространство, одним из главных элементов которого стала круглая площадь. «Круглость» этого элемента лишний раз подчеркивает его главенство в композиции. Ведь именно он работает неким шарни-

ром, местом, где сходятся транзиты, связывающие его с тремя главными улицами центра города – Карла Маркса, Ленина и Горького. Важно отметить и то, что пространство, соединившее бетон и стекло новых корпусов с историческими зданиями, выходящими на улицу Ленина, сразу стало любимым местом для молодежных «тусовок». Уютное, закрытое со всех сторон и все же проходное место превратилось в читаемый образ дома, окруженного чужеродными пространствами крупных улиц, – точно так же, как традиционный сибирский дом был окружен безбрежным и равнодушным к человеку космосом северной природы. Атмосферу, эмоциональный фон объекта хорошо передает черно-белая фотография (рис. 6).

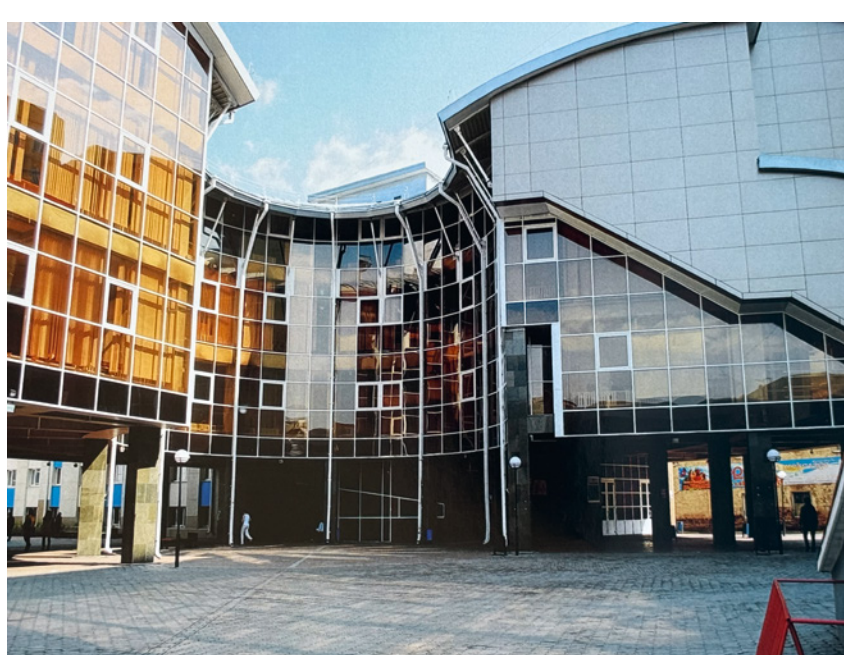
Работа была высоко оценена: она стала лауреатом фестивалей «Зодчество Восточной Сибири» и «Зодчество», награждена дипломом РААСН.

Основным результатом этого проекта стала не столько собственно реализация (хотя работа, очевидно, удалась), сколько достигнутая степень проектной культуры и ощущение того, что ты чувствуешь городскую среду практически на подсознательном уровне, понимание необходимости высокого профессионального такта в работе с ней. Причем эта среда должна в обязательном порядке оставаться живой, за исключением редчайших случаев музеефикации.

А тема внутренних улиц как знакового элемента городской структуры, столь характерного для Иркутска, даже не проработанная, а прочувствованная проектировщиками, дала конечный результат и незабываемый опыт.

Заключение

Приведенные примеры призваны показать часть тех возможностей, которые дает использование принципов метамодернизма в качестве философского основания для архитектурного проектирования в динамичной городской среде. В целом данный подход позволяет решать не только и не столько локальные архитектурные и градостроительные задачи – вписывать современные объекты в среду, но и, анализируя и моделируя, способствовать движению развития самой среды, хранящей историческую и культурную память города с ярко выраженной идентичностью и столь же выраженной динамикой



^ Рис. 6. Внутренняя площадь Байкальского государственного университета

< Рис. 7. Внутренняя улица Байкальского государственного университета

развития. Стоит еще раз подчеркнуть: метамодернизм – это не набор рецептов, а метод. Его суть – в настоящей необходимости каждый раз решать ситуацию так, словно она возникла впервые. Это максимально творческий подход, как раз такой, который необходим для адекватного ответа на сложнейшие и многогранные вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня.

Справедливости ради следует сказать, что вышеприведенные примеры относятся к периоду 2000-х годов, когда теоретические основы метамодернизма практически никак не пересекались с архитектурной практикой. Но в человеческой деятельности, особенно в ее творческой составляющей, часто видны примеры того, как внутренне осознанное практическое действие опережает его теоретическое обоснование. А один из постулатов нового стиля утверждает соподчиненность объекта среде как некоей системе, выраженную в непосредственном взаимодействии, что и является одной из составляющих процессов гуманизации и развития этой самой среды.

Литература

1. Hang, T. T. T., Diep, N. B., Khuc, Q. V. Global Evolution of Research in urban environment and human health: A Bibliometric Study. – OSF Preprints, 2023. – URL: <https://osf.io/preprints/osf/mk3wf> (дата обращения: 08.03.2026).
2. Zhu C, Ling G. H. T. Bibliometric analysis of urban ecological spaces: research trajectories and future outlook // *Proceedings of the Institution of Civil Engineers - Urban Design and Planning*. – 2026. – Vol. 179, N 1. – P. 21–40. – DOI: 10.1680/jurdp.25.00035
3. Yekeen, A. Y., Misnan, S. H. A Bibliometric Review of Urban Liveability and Social Exclusion // *International Journal of Research and Innovation in Applied Science*. – 2025. – Vol. 10, N 2. – P. 516–531.
4. Wu, T., Wu, J., Yang, Y., Dong, W. A bibliometric review of perceptions of the built environment supported by multi-source data // *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*. – 2025. – Vol. 24, N 3. – P. 2098–2113. – DOI 10.1080/13467581.2024.2349746
5. Sari, N. M., Kushardono, D., Manessa, M. D. M., Kustiyo, Mukhoriyah, Indradjad, A., Arifin, S., Maryanto, A. A Bibliometric Analysis of Urban Environment Quality Studies Based on Satellite Remote Sensing Data // *AIP Conference Proceedings*. – 2023. – Vol. 2941, N 1. – Article 030025. – DOI: 10.1063/5.0183687
6. Лидин, К. Горожанство: в поисках универсального определения городской среды // *Проект Байкал*. – 2015. – Т. 12, № 45. – С. 84–89. – DOI: 10.7480/projectbaikal.45.896

7. Гутнов, А. Э. Эволюция градостроительства. – Москва : Стройиздат, 1984. – 268 с.

8. Розенберг, А. В. Общая теория проектирования архитектурных сооружений. – Москва : Планхозгиз, 1930. – 210 с. : илл.

9. Delalex, G. Go with the Flow: Architecture, Infrastructure and the Everyday experience of Mobility. – Helsinki : University of Art and Design, 2006. – 284 p.

10. Лидин, К., Буйнов, А. Прошлое и будущее философии города // *Проект Байкал*. – 2025. – Т. 22, N 83. – С. 74–79. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/83.2484

11. Шульга, Е. Н. Философия сознания: методологические инварианты исследования // *Философия науки*. – 2006. – Вып. 12. – С. 196–213.

12. Ашихмин, А. Расширение Иркутской государственной экономической академии // *Проект Байкал*. – 2004. – № 1. – С. XLII–XLIII. – DOI: 10.7480/projectbaikal.1.308

References

- Ashihmin, A. (2004). *Rasshirenie Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Expansion of the Irkutsk State Academy of Economics]. *Project Baikal*, 1(1), XLII–XLIII. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.1.308>
- Delalex, G. (2006). *Go with the Flow: Architecture, Infrastructure and the Everyday Experience of Mobility*. Helsinki: University of Art and Design.
- Gutnov, A. E. (1984). *Evolutsiya gradostroitelstva* [The evolution of urban planning]. Moscow: Stroyizdat.
- Hang, T. T. T. & Diep, N. B., & Khuc, Q. V. (2023). *Global Evolution of Research in urban environment and human health: A Bibliometric Study*. OSF Preprints mk3wf, Center for Open Science. Retrieved March 8, 2026, from <https://osf.io/preprints/osf/mk3wf>
- Lidin, K. (2015). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. *Project Baikal*, 12(45), 84–89. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Lidin, K., & Buinov, A. (2025). The past and future of urban philosophy. *Project Baikal*, 22(83), 74–79. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/83.2484>
- Rosenberg, A. V. (1930). *Obshchaya teoriya proektirovaniya arkhitekturnykh sooruzhenii* [The general theory of designing architectural structures]. Moscow: Plankhozgiz.
- Sari, N. M., Kushardono, D., Manessa, M. D. M., Kustiyo, Mukhoriyah, Indradjad, A., Arifin, S., & Maryanto, A. (2023). A Bibliometric Analysis of Urban Environment Quality Studies Based on Satellite Remote Sensing Data. In H. Septanto, M. I. Adhynugraha, Y. Vetrira, C. E. Santosa, P. P. Sitompul, E. Yulihastin, J. Muhamad, Mardianis, E. Fitrianiingsih, M. Batubara, P. Abadi, & A. Restasari (Eds.), *AIP Conference Proceedings* (1 ed.), 2941 (1), Article 030025. American Institute of Physics Inc. <https://doi.org/10.1063/5.0183687>
- Shulga, E. N. (2006). *Filosofiya soznaniya: metodologicheskie invarianty issledovaniya* [Philosophy of consciousness: methodological invariants of research]. In *Philosophy of Science* (Vol. 12: The Phenomenon of Consciousness, pp. 196–213). Moscow: IF RAS.
- Wu, T., Wu, J., Yang, Y., & Dong, W. (2025). A bibliometric review of perceptions of the built environment supported by multi-source data. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*, 24(3), 2098–2113. <https://doi.org/10.1080/13467581.2024.2349746>
- Yekeen, A. Y., & Misnan, S. H. (2025). A Bibliometric Review of Urban Liveability and Social Exclusion. *International Journal of Research and Innovation in Applied Science (IJRIAS)*, 10(2), 516–531.
- Zhu, C., & Ling, G. H. T. (2026). Bibliometric analysis of urban ecological spaces: research trajectories and future outlook. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning*, 179(1), 21–40. DOI: <https://doi.org/10.1680/jurdp.25.00035>